

**О СОЮЗЕ РЕЛИГИИ С ФИЛОСОФИЕЙ
ПРОТИВ СВОБОДЫ ТЕХНОНАУКИ***В. А. Кутырёв*

Всё течёт, всё изменяется. Изменение может превращать явления в противоположность, когда истинное становится ложным, полезное вредным, белое чёрным — и наоборот. Важно вовремя понять новую роль того или иного фактора. В противном случае, стремясь к добру, мы будем поощрять зло. Особенно в фундаментальных вопросах жизни.

Как известно, традиционное определение человека — *Homo sapiens*. Начиная с Нового времени, его высшим атрибутом стали считать разум. Однако что такое разум как «*sapiens*», взятый в своей специфике, в «чистом», т. е. сущностном виде? Это логос, рациональность, в пределе — исчисляемость, матезис. Теоретическое, дискурсивное знание, развёрнутой формой которого является наука, а результатом практической реализации — техника. Человек разумный — это, в пределе, человек научный, решающий все проблемы объективно, без чувств и ценностей, даже без мудрости, которая всегда личностна. Человек научный — это, в пределе, человек технологический, решающий все проблемы подобно совершенной автоматической машине. Атрибут разумности отделил нас от животных, что было актуально при становлении цивилизации, теперь же, в информационную эпоху, он редуцирует нас к техническому интеллекту, грозя превратить в роботов первого или даже нулевого поколения — более примитивных в сравнении с супер, нейро, нано и прочими вычислительными системами.

Кто имеет глаза, видит, как процветает наша цивилизация, как бурно развивается, стремительно обновляясь, её основа — техника. Сказочные мечты о коврах-самолётах, сапогах-скороходах, волшебных зеркальцах и т.д. стали былью. Передовой отряд человечества живёт в раю, а самая великая ложь нашего времени состоит в том, что для благополучной жизни ему не хватает знаний и средств. На самом деле он не знает, как их использовать, на что направить, куда выбросить. И когда говорят о глобальном кризисе цивилизации — это недоразумение. Она прогрессирует. В кризисе — человек как *не(до)техническое существо*. Он десубъективируется. И не случайно переименовал себя в «человеческий фактор», который везде «мешает», «не успевает», «срывается». Он причина аварий и везде виноват «в этом техническом раю», потому что нетехнологичен. В кризисе то, что лежит в основе его нетехнологичности, — жизнь, природа, телесность и чувственность, что не вмещается в рай. Высокие технологии, если расшифровать их метафорическую «высоту», означают постчеловеческие технологии. Происходит жест/о/кая сшибка, конфликт между живыми, традиционными людьми и порождённой ими, но развивающейся по собственным законам искусственной средой, в которую они попали — вплоть

до тенденции их «снятия», виртуализации. Наука трансформируется в технику как технологию, становясь «tehnosciense», т. е. технаукой, если по-русски — «технукой», и одновременно становится сферой нашего обитания. Техногенная среда-сфера грозит растворить человека, «переварить» его, поглотив как чужеродное тело, лишая не только субъектности, но и идентичности.

Имеющие глаза это тоже видят. Но их имеют, точнее, держат открытыми не все. Огромное количество людей, особенно занятых в собственно научной сфере, предпочитают думать, что проблема подавления человека техникой надумана. Разумеется, не ими. А выход из любого кризиса усматривается в том, чтобы развивать технауку ещё быстрее. «На новом уровне». Устойчивое развитие трактуется прямо противоположным его первоначальному смыслу (как ограниченное, сохраняющее самость того, что развивается) образом. Его стали понимать как непрерывное, всё усиливающееся, т. е. без всяких обсуждений и рефлексии, де-факто заменили «новационным», когда новое из средства превращается в цель. В самоцель. Или странным образом отделяют «хорошую» науку от её «плохих» последствий в виде техники и технологии. «Способна ли наука, — вопрошает, например, автор широко распространённого в России учебника по истории естествознания, — помочь человечеству избавиться от того зла, которое несет в себе цивилизация, технологизируя образ жизни людей?»¹ Это то же самое, как спрашивать, можно ли спасти утопающего, погружая его ещё глубже в воду. *Современная наука технологична по своему существу*. Как реальность она стала, ещё раз назовём по-русски, *технукой*.

Другие признают, что саморазвитие технауки создаёт угрозу человечеству, но поскольку зло неизбежно, то его лучше считать благом. Да, опасно, да, антропологический кризис, но «прогресс не остановишь», и надо стараться в него вписаться, к нему приспособиться. Культивируется фатализм вплоть до примирения со смертью человечества. Не всегда прямо, чаще через его превращение в нечто иное, что-то «бессмертное», «электронное», «виртуальное», для самообмана и отвода глаз называя его «позитивной смертью». А «Смерть позитивная — уже не смерть, это просто практика исчезновения в том, что есть твое существование в широком смысле и в силу этого — бессмертие, которое приобретает характер повседневного чувства», — утверждает известный российский «аналитический антрополог» В. Подорога². Это не просто исчезновение, а «творческое исчезновение» — конкретизируя «позитив», утешает М. Н. Эпштейн. Он предрекает, что уже в XXI в. «созданные человеческим интеллектом механизмы и компьютерные системы выйдут на передний край эволюции разума и поведут за собой всё более отстающих (а иногда и упирающихся) человек³». Таковы реальные перспективы, обещаемые современной технаукой на пути создания ею всё более и более искусственной среды нашего обитания.

При этом характеристики искусственного мира начинают признаваться естественными. Внутренняя схема рассуждений здесь такова: естественно то, что существует объективно, стихийно, без человека и по не зависящим от него законам. Искусственное в качестве современной технологической цивилизации тоже развивается по собственным законам, т. е. объективно и стихийно. Значит, его тоже можно

считать естественным, а всякая попытка сознательного вмешательства в логику технического развития — акт искусственный. Посредством такого сдвига и рокировки смыслов человек лишается статуса не только творца искусственного мира, но и оснований каким-либо образом влиять на него. Он оказывается заложником «постава», приговорённым к технике. Это его рок, судьба. Фатализм с охотой берётся на вооружение сциентизмом, становясь идеологией технократии, особенно людьми, которые больше всех кричали и по инерции кричат о свободе в странах, где технический контроль и наблюдение настолько тотальны, что защитники прав человека и «прайвеси» должны, казалось бы, рвать на себе волосы и биться о стенку. Но они молчат, оживляясь только, когда надо выступить против культурных регуляторов жизни, потому что либерализм в потребительском раю стал технократизмом.

Возникновение постчеловеческой науки ставит под вопрос дальнейшую целесообразность определения человека как разумного существа и его развития, культивирования только как разумного существа. Не больше ли шансов выжить, если неотъемлемым атрибутом нашей сущности считать теперь способность верить, надеяться и любить? Считать себя *Номо Dei* — человеком Божьим = Духовным. Или *Номо vitae sapiens* — человеком живым и только на этой основе разумным. Другими словами, протестуя против сциентистско-технократического отношения к миру и призывая к сохранению человеческого измерения реальности, не следует ли прежде всего заботиться о сохранении человеческого измерения разума?

Но разум в человеческом измерении, разум, включающий в себя наряду с интеллектом ещё и «сердце» или так называемый «экзистенциальный разум», — это *Дух*. Дух, духовность есть единство Истины, Добра, Красоты. А мышление, познание — один из атрибутов духовности. Институционализованная духовность определяется как культура. А наука — одна из форм культуры, помимо которой существует церковь, искусство, нормы морали и права. Кажется, это очевидно, но, увы, в информационно-научном обществе они испытывают сильнейший натиск теоретизма, абстрактности и когнитивизма, ведущих к эрозии Духа, его сведению к разуму и интеллекту. И если человек хочет остаться живым, традиционным, гуманным, т. е. *остаться*, этому натиску надо противостоять. С ним надо бороться. Сохранение духовности и культуры является, по-видимому, решающим фактором продления земного бытия существ, мыслящих на природно-биологическом субстрате, который собственно и обуславливает специфику их мышления как «естественного», «экзистенциального». Духовность и телесность в человеке не отрицают, а предполагают друг друга, они не две разные сущности, а стороны единого континуума. Человек может быть духовным, если он целостный.

Чтобы поддержать данную уникальную целостность, а также соответствующую ей пространственно-временную нишу существования, нынешние обстоятельства требуют переоценки иерархии различных ипостасей духа, отношений между ними, их отношения с разумом.

Прежде всего это касается религии и философии, которые стоят на передовых рубежах обороны от технологической атаки на культуру и являются её первой жертвой. Им надо искать новое место в техногенном мире, не пародируя науко-тех-

нику и не приспособиваясь к ней, а беря на себя функции защиты идентичности Человека, его тела и духа; быть стабилизаторами развития, носителями и идеологами консерватизма; врагами бездумной и безответственной инновационности. Они обоюдно заинтересованы в противодействии экспансии разума на другие сферы бытия, вследствие чего естественное «неразумное», «нерациональное» перестаёт иметь какую-либо ценность и изгоняется из жизни вообще. Единственной формой его проявления становится безумие, которое в субстанциональном плане всё же разум, его оборотная сторона. Безумие по-научному — когда люди мыслят, но не ради себя, а «ради прогресса», т. е. *не в своём уме*.

Ещё Кант призывал, ограничив притязания разума, оставить место для веры. Немало критиков обвиняло его в измене логике собственного хода мысли, в беспринципной уступке религиозному духу эпохи. Правда таких критиков была поверхностной. В свете современной ситуации видно, что задача ограничения разума имеет бытийный смысл. Она нужна для выживания не только Бога, но и Человека. За «смертью бога» следует «смерть человека». Или человек — цель в себе и никогда не средство даже для разума, или если целью в себе считать разум, человек, подобно всей остальной материи, превращается в материал для технических манипуляций. Или Бог нечто высшее, не охватываемое научным разумом, или он «большой компьютер», моделируемый ещё большим. Поставленный уже в наше время П. Фейерабендом вопрос «Как защитить общество от науки?»⁴ философы в целом игнорируют, списывая на «анархизм». Его «заизучали», не рассматривая всерьёз приводимые им аргументы и не делая каких-либо выводов. Призывают к переосмыслению роли философии, но так, чтобы приспособиться к отрицающим её тенденциям. Главное — сохранять спокойствие и удобства. «Мир без святых и героев» стремится увеличивать комфорт, который стал высшей, выше Бога, целью потребительского общества. Обстоятельства же требуют, если хотеть, чтобы они оставались человеческими, его критики и борьбы с ним. Сопротивления. Пусть теоретического, но *Поступка*. Поступать надо, придётся, ибо скорость и напор новационно-технического развития становятся откровенно абсурдными, просто невыносимыми. По крайней мере, для тех, кто ещё способен чувствовать и видеть дальше своего носа.

Задача поддержания целостности телесно-духовного человека является почвой, на которой могут объединиться философия и религия. Не к технук должна подстраиваться философия, и не с технук должна, стремясь удостоиться расположения, заигрывать религия. Они должны вместе бороться против её экспансии. Это будет новый исторический синтез. Единственным предварительным условием для него и для нового отношения к разуму должен быть отказ философии от претензии стать научной, а религии — от желания доказать бытие Бога. «Дискурсивная мудрость» и «логизированная вера» фактически означают прекращение самостоятельного существования этих форм духа. Само стремление к онаучиванию всего и вся, устройство «научно-богословских», а не «философско-богословских» встреч и чтений, как это традиционно было, есть следствие вырождения духа, его ослабления или, говоря материалистическим языком, сужения психики до интеллекта. В информационную эру вообще неверно и опасно руководствоваться научным ми-

ровоззрением. Наше мировоззрение должно быть если не религиозным, то хотя бы гуманистическим, опираться на всю полноту телесно-духовных сил, учитывая при этом пределы каждой их формы. Оно должно исходить из меры человека как уникального и самоценного типа мыслящей жизни.

Не углубляясь в прежние отношения между религией и философией, остановимся на наиболее значимых возможностях их противостояния произволу научно-технического разума. Когда, в каком смысле они могут это делать? И (или) не делают, уходят от проблемы, боясь быть обвинёнными в обскурантизме, торможении прогресса и т.п., боясь прогневать нашего нового бога — Технауку.

В конце XX в. католическая церковь сняла проклятье с Галилея и тем самым как бы извинилась перед наукой. Это очередная ирония истории, ибо теперь перед наукой как раз можно было не извиняться. Она стала столь влиятельной и одновременно амбивалентной или прямо опасной, что возникла очевидная потребность в её регулировании, в том числе закрытия каких-то исследований, наложением на них запрета, дополняя, таким образом, например, запрет законодательными учреждениями большинства стран клонирования человека и множества других изобретений, когда общество не может предвидеть, к чему они могут привести. Перестать размахивать флагом Галилея призывает немало ответственных мыслящих теоретиков (у нас об этом писал И. Т. Фролов). Обнаружилась, по крайней мере частично, историческая правота церкви в её настороженном отношении к научному разуму. «Разум, без Божьего страха держимый // Мечь есть от мужа безумна носимый», — писал Симеон Полоцкий ещё в XVII в. Тем более теперь: как можно не выступать против свободного развития науко-техники, когда ради «хорошей физики» многие её создатели изобретают всё новое и новое оружие; когда выращивают генетических монстров, занимаются психохирургическим зомбированием, запускают космические ракеты, даже не задумываясь об их влиянии на воздушное пространство (при параллельных лицемерных стенаниях об истощении озонового слоя и потеплении планеты). В производство внедряются тысячи откровенно хулиганских и мусорных изобретений в виде аппарата для регистрации скорости облысения, машинок для наклона тарелки супа при еде, приспособление для автоматического надевания презерватива, унитазов с дистанционным управлением; когда «свободный» характер приняли манипуляции с телесностью человека вплоть до смены пола, цвета кожи и формы лица. В биотехнологии началось воплощение самых страшных предвидений О. Хаксли. С «божественным творением» творят что угодно. Безответственное, игровое отношение к природе перекинулось на самого человека. Потребительское общество приступило к потреблению самих людей, потому что эксплуатация их страстей и пороков прибыльнее, чем добыча полезных ископаемых. Разве всё это не требует признать, что *Дьявол тоже творит*? А его основное местопребывание — в «силиконовых долинах» и средствах массовой информации. Значит, во имя самосохранения, человечество должно от такого творчества как-то защищаться⁵.

Если в начале истории моральные и религиозные запреты регулировали чувственные страсти людей, обуздывали беспорядочную похоть и зоологический индивидуализм, то в настоящее время чувственность истощается. Её приходится не столько обуздывать, сколько возбуждать, вплоть до применения био- и психостиму-

лирующих веществ. Напрямую эксплуатируются последние эмоциональные резервы организма — сексуальность. Прорывы природно-биологической энергии человека, за исключением, быть может, этнорасового компонента, больше не угрожают общественному порядку. Наступило время других угроз, возникающих от страсти к познанию, непрерывному созданию и потреблению нового, от безответственной креативности, от замены чувственности и духовности информационностью, внешней компетентностью, ведущих, как ни парадоксально, к самозомбированию и роботизации. Желание жизни вытесняется, как пишут постмодернисты, «желанием письма», т.е. компьютерного программирования и коммуникации. Достаточно много людей уже не переживают мир, а лишь осознают его. Единственным смыслом их существования стала переработка информации. Они уходят из реальности в мир иной, виртуальный. Даже глупость у них проявляется в форме знательности. Знают, действуют, но не понимают, мысля не дальше хода E2–E4. Какой-либо рефлексии избегают, доходя до утверждений, что «скорость важнее направления» (девиз, достойный не общества, а какого-нибудь стада леммингов). Естественно, они будут противиться нравственным оценкам и контролю общества над своей деятельностью, хотя по отношению к другим отраслям науки тот же биоинженер, нанотехнолог, программист предстают как обычные, нуждающиеся в защите от последствий оторвавшегося от людей технического мышления.

Возникает проблема: каким образом, не отказываясь от творческих возможностей разума, подчинить их ценностям Бытия или хотя бы ценностям гуманизма, являющимся, в сущности, конкретизацией наших представлений о благе? Как выйти из противоречия: условием продуктивной деятельности разума является свобода, а его свобода становится дьявольской, провоцирующей положение, когда людям не понадобится ничего, в том числе и свобода? Накинуть узду на мысль, обновить индекс запрещённых книг, объявить Била Гейтса еретиком, а кибернетику и генетику — лжеучениями? Опыт показывает, что это плохо удавалось раньше, не лучше удастся и сейчас. Да и гуманизм перестаёт быть гуманизмом, если ограничивает свободу мысли. Этим он отличается от идеологии тоталитарных и теократических режимов, стремящихся контролировать своих граждан в «глубине сердца» и до «гробовой доски».

Представляется, что выход надо искать *в изменении отношения к свободе технауки в социально-практическом плане*. При постоянных заклинаниях насчёт возможностей выбора, выбор обычно всё равно оказывается единственным, но делается он по случайным, лоббистским, политиканским или «бухгалтерским» соображениям как в плане реализации отдельных проектов, так и науки в целом. Надо попытаться переломить непременно прагматическое отношение к новационным процессам и вводить в современную жизнь принцип «увэй» = «недеяния», являющийся сутью экологического отношения к миру, но понимая его не формально и механически, как остановку всего, а синергично, диалектически.

Спасение чаще всего там, где опасность. Опасны игры чистого разума? Так пусть играет! Самая большая свобода — это игра ума. «Игра в бисер», Mind games, когда не надо затрудняться реализацией идей, связанной с сопротивлением материала, необходимостью вписываться в существующие формы бытия, ограничивать

себя в средствах, которых всегда не хватает и т.д., тем более что тенденция к игровому статусу разума обозначилась вполне объективно. Математики выводят уравнения, не заботясь об их применении, теоретические физики так увлекаются абстрактными моделями мира, что перестают интересоваться их проверкой, программисты строят и разрушают на компьютерах целые Вселенные. Развивается так называемая «возможная архитектура». Устраиваются выставки, проводятся конкурсы, награждаются премиями заведомо не осуществимые и практически бесполезные проекты. Их культурные функции достаточно самостоятельны и не нуждаются в овеществлении. В этом виртуальном направлении может развиваться почти вся наука. Так пусть будет «наука для науки». Пусть создаются утопические проекты, выписываются и оплачиваются заведомо нереализуемые патенты, существуют «дизайн-мечты» научного типа. За подобную деятельность учёных упрекают в отрыве от практики, требуют превращать новации в инновации. А пора хвалить. Надо всячески поощрять желание заниматься наукой без воплощения, творчеством без обязательного материального результата. И не насиловать себя и общество выдумками, куда внедрить ещё одну новацию, как разрекламировать не виданную до сих пор патологию. Таким путём человечество сможет откупаться от интеллектуалов, отчуждённых от жизни виртуалистов, от биороботов, единственным смыслом бытия которых стало манипулирование информацией.

Они будут полностью свободны в своих мыслях, в большинстве случаев в их изложении и обнародовании. К их услугам всемирная информационная сеть, Интернет. Однако они живут в эпоху, когда наука превратилась в технику, т. е. производительную силу и социальный институт. Значит, и относиться к ней надо как к силе, как к институту, а это «по определению» предполагает регламентирование поведенческой свободы её носителей. Общество должно давать социальную оценку изобретениям учёных, их характеру и влиянию на его дальнейшее развитие, на судьбу человека. Свободное творчество разума не тождественно благу, само по себе оно агуманно и легко становится антигуманным. Оно экологично и легко становится антиэкологичным. Для того чтобы сохранить пространство для естественной реальности, для других, не интеллектуальных способностей и запросов человека, все научные проекты необходимо соотносить с задачей его сохранения как целостного существа. Общество должно иметь социально-гуманитарные фильтры и ставить их перед нарастающим валом научно-технических достижений, особенно в сфере Hi-Hume, так называемых гуманитарных технологий. Если такие фильтры не будут ставиться сознательно, их поставит природа вещей и просто Природа, пределы земного шара, наши антропологические и психические константы. Преодолевший их разум перестанет быть человеческим. Такой подход вполне совместим даже с либерализмом и правовым государством, принцип функционирования которого в том, что каждый свободен в пределах права на подобную свободу другого.

Поскольку наука, став *technoscience*, стала производительной силой и предметной деятельностью, постольку она должна регулироваться заповедью, что *не всё технически и логически возможное следует осуществлять*. Открывающиеся ею возможности должны подлежать общественной оценке. Эту заповедь необходимо внедрять в сознание людей с самого детства, особенно в церкви и системе образова-

ния. Её надо выбить золотыми буквами на фронтоне всех научно-исследовательских институтов, особенно при въезде в технопарки. Преступное творчество (клонирование человека, создание химической пищи, выращивание генетических монстров, провоцирование виртуально-компьютерной наркомании и т.п.) должно подлежать уголовному преследованию как потенциальный геноцид и покушение на жизнь человечества. Пора сбросить технауку с пьедестала избранности, расценивая как необходимый, но иногда сомнительный и опасный род занятий. Среди увлекающихся научно-технической деятельностью растёт число холодных робообразных су(ве)ществ, утрачивающих способность к чувственным, предметным, духовным и социальным формам бытия. Они становятся всё более агрессивными. Достаточно вспомнить «Декларацию независимости киберпространства» Дж. Барлоу, призывающую к борьбе с «утомлёнными гигантами из плоти и стали», а фактически с нашей вещной реальностью, за «свободу наших виртуальных “я” от вашего владычества, даже если мы и согласны с тем, что вы продолжаете властвовать над нашими телами... Мы сотворим в Киберпространстве цивилизацию Сознания»⁶. И, наконец, проекты трансгуманистов по замене людей «нелюдьми, люденами и трансхьюманами». Чтобы противостоять этому пост(транс)гуманистическому мировоззрению, надо подчинить развитие технауки идее блага и сохранения целостности телесно-духовного человека. Кто не любит Землю, пусть уходит в виртуальный мир, но не тащит туда других людей. Всё это требует радикального консервативного поворота в общественном мнении, преодоления прогрессистского фатализма, возврата к ценностям жизни, отказа от стремления «иметь» в пользу «быть». Духовным ядром такого поворота должен стать союз религии с философией ради борьбы с произволом=стихией=свободой научного разума. В реальность подобного поворота поверить сейчас трудно, хотя надежда остаётся: непрерывный рост числа и размаха техногенных катастроф оказывает отрезвляющее действие, вследствие чего шансы на благоразумие человечества, на его желание «притормозить» могут возрасти.

В новационно-техногенном обществе религиозно-философское ядро культуры должно играть ориентирующую роль при отборе и оценке изобретаемого, при «фильтровании» его достижений. В идеальном плане именно они должны «закреплять» и ограничивать перерастание прогресса в трансгресс, т. е. переступание развития через человека. К сожалению, пока это делается плохо. Религия и философия не выполняют требуемых ради его выживания смысло-определяющих социально-защитных функций. Безуспешно стремясь угнаться за техническими достижениями, «обновиться», они выхолащивают и собственную идентичность, рискуя полностью утратить как свою внутреннюю специфику, так и внешнее общественное оправдание. Молитвы по Интернету, возжигание свеч по sms, исповедь по электронной почте — что может быть абсурднее с точки зрения веры в Личного и Живого Бога? Если виртуальная любовь, виртуальный труд и искусство только подрывают их вещно-телесные аналоги, то виртуальная церковь в принципе уничтожает необходимость существования своего земного прототипа. Духовно-религиозная жизнь в Интернете — это как подводная лодка в степях Украины. В свою очередь, философия из «любви к мудрости» превращается в «любовь к электричеству», помогая не жизни и культуре, а становясь

служанкой когнитивно-математического познания, фактически отрицая самое себя. Из философии бытия она превращается в философию науки, которая хочет говорить о себе как обо всём мире, а обо всём мире как о себе.

Склоняясь к такой модификации, религия и философия пока слишком робко выступают даже против самых вопиющих актов техногенной агрессии, хотя какие-то попытки, в основном в контексте биоэтики, предпринимаются. Определённую надежду здесь даёт позиция Русской Православной Церкви, выраженная во впервые принятой в 2000 г. и регулярно обновляющейся на Соборах её социальной концепции: «Попытки людей поставить себя на место Бога, по своему произволу изменяя и “улучшая” Его творение, могут принести человечеству новые тяготы и страдания. Развитие биомедицинских технологий значительно опережает осмысление возможных духовно-нравственных социальных последствий их бесконтрольного применения, что не может не вызвать у Церкви глубокой пасторской озабоченности»⁷. Тенденции к признанию границ рационального познания можно видеть и в философии, причём выражаются они её авторитетными представителями. «Возможно, в человеке есть нечто закрытое, принципиально недоступное для науки с её объективными методами исследования. И сами успехи наук о человеке, подтверждают такое предположение... Человек не умещается в границу знания. Человек больше того, что он о себе знает или может знать»⁸.

С такого рода заявлениями в отношении произвольных проектов науки по воздействию на человека и с подобными философскими представлениями о человеке можно только солидаризироваться. Но была ли за прошедшее время подлинная борьба за их реализацию, мобилизация верующих и понимающих, формирование антисциентистского, антитехнократического сознания? К сожалению, нет, социально значимого противостояния не было. Церковь нередко уклоняется от критики даже явно несовместимой со смыслом своего существования пропаганды, как, например, достижения технического «бессмертия» на Земле. В таком случае это означает её движение к самоотрицанию. Как и современная философия, гуманизм не даёт отпора нарастающей экспансии трансгуманизма. В таком случае это «спящие философия и гуманизм». Представляется, что начавшееся повышение роли церкви в культуре, её взаимодействие с институтами образования должно вдохновляться заботой о духовно-нравственном регулировании происходящих в нашем обществе процессов, и прежде всего научно-технического характера.

Дополнительную надежду в борьбе за сохранение адекватного человеку мира даёт то, что о необходимости моратория на некоторые исследования, в частности в области геномной инженерии, говорят и сами наиболее ответственные, человеколюбивые, неинструментально мыслящие учёные. Примеры законодательного ограничения научно-технического творчества тоже есть, но многие такого рода решения оказались недейственными. Они висят в пустоте, без поддержки общественного мнения. Естественная поверхность Земли продолжает сокращаться как шагреновая кожа. Договоры о недопущении милитаризации околоземного пространства нарушены под давлением потребностей развития «высоких технологий». Позиция оппонентов безоглядному освоению космоса, предложения по укрощению вакханалии

загрязнения околоземного пространства чудовищными по размерам самолётами, с ресторанами, кино и тренировочными залами (мягко говоря, «развлекательный центр» в воздухе) не получают религиозного и философско-экологического подкрепления. Совершенно бездумно, без рефлексии, с телячьим восторгом человечество готово кинуться в объятия нанотехнологий, хотя их влияние на его судьбу может оказаться поистине роковым.

В этих условиях противопоставление религиозного и философского отношения к миру теперь неактуально. Они оба находятся под давлением сциентизма и технократизма, сопротивление которым нуждается в более широком и фундаментальном, нежели есть, мировоззренческом обосновании. Нуждается в людях с открытыми глазами и личным мужеством, ибо прослыть сейчас атехнистом то же самое, что быть атеистом в Средние века. Нужна более разработанная, чем существует, правовая база для регламентации любой техно-научной деятельности. А главное, нужно практическое всемирное движение, организованная социальная борьба с безответственным вмешательством технонауки в фундаментальные основы жизни за спасение ценностей Духа, за существование человека как *Homo dei-vitae sapiens*. Это естественное завершение экологического движения за сохранение природы в целом и необходимый поворот в развитии антиглобалистского движения, ибо суть глобализма — замена всех действующих в социуме личностно-культурных регуляторов на технологические. Глобализм — это универсальный технолизм. Жителями глобального мира будут люди без этнической, национальной, расовой и даже половой идентичности, собственно говоря, «люди без свойств», зомби.

Инициаторами, вдохновителями предупредительно-охранительной, консервативной бытийной активности должны, могли бы стать религия и философия. Выступая в союзе против свободы технонаучного разума, они обретут адекватное их сущностному предназначению место в современном мире. Отвечая на жизненные потребности времени, они обеспечат и своё существование. Это будет *Союз ради Жизни на Земле и на Небе*. Нужна *Тео-антропо-дицея*.

Так продлимся...

¹ Найдыш В. М. Концепции современного естествознания. М., 2002. С. 433.

² Подорога В. Эпоха Coprus-a? Вопросы и наброски к беседе с Ж.-Л. Нанси // *Нанси Ж.-Л. Coprus*. М., 1999. С. 216.

³ Этштейн М. Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию. // *Философские науки*. 2009. № 2. С. 91.

⁴ См.: *Фейрабенд П.* Как защитить общество от науки? // *Избранные труды по методологии науки*. М., 1986.

⁵ Подробнее об амбивалентных последствиях неограниченного «творческого подхода» к миру и человеку см.: *Кутырев В. А.* Человеческое и иное: борьба миров. СПб., 2009.

⁶ *Барлоу Дж.* Декларация киберпространства // URL: <http://akaada.narod.ru/dekl.html> (дата обращения: 10.09.2010).

⁷ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2005. С. 22.

⁸ *Гусейнов А. А.* Что же мы такое? // *Человек*. 2001. № 2. С. 7.